

Как и должно быть / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Как и должно быть / рассказ КАК И ДОЛЖНО БЫТЬ

У Светланы Ивановны пропал кот. Ушёл из дома и не вернулся. Вернее, он и раньше часто уходил, если Светлана Ивановна забывала закрыть дверь. Спускался во двор, чтобы под кустами попрятаться, в подвал залезть, с другими котами поиграть, например. Возвращался всегда довольный и как будто загадочно улыбался всей своей рыжей мордой. Светлана Ивановна уважала его право на свободу: «Вырос уже, пусть его гуляет», – спокойно говорила она. Но кот не вернулся. Ни на второй день, ни на третий. На четвёртый день Светлана Ивановна стала каждые пятнадцать минут делать несколько суетливых кругов вокруг дома, периодически крича: «Барсик, Барсик!»

– Ну, бедная моя, давай рассказывай... сколько же ты всего натерпелась-то.

Соседка Любовь Дмитриевна втиснулась в тесную прихожую. С собой она принесла большую авоську с кефиром и много дворовой пыли. Пыль особенно красиво отсвечивала в лучах солнца.

– Зашла, значит, к Игнатьевым, а они мне и говорят: У Светланы Ивановны горе. Пропал он, пропал! Я к тебе сразу побежала.

– Да, пропал. – просто ответила Светлана Ивановна.

– Я тебе точно говорю, похитили его... сейчас, знаешь, всех похищать стали. Подходят так спокойненько сзади, хватают и...

– Всё может быть, – бесцветно согласилась Светлана Ивановна.

– А родители его где? Врагу такого не пожелаешь.

– Да вроде нет у него родителей... – удивилась Светлана Ивановна. – Я его на помойке три года назад нашла.

– На какой помойке? Ты чего, Ивановна?

– Барсика на помойке нашла.

– Это чего, у тебя Барсик пропал? А я-то думала Сашенька... Как я испугалась. Мне значит, Игнатьевы вчера фотографию показвали: на ней внучок твой и котяра этот облезлый. Ну я и подумала: пропало наше солнышко. И к тебе кинулась. Да плюнь ты на этого

кота, нового найдешь.

Сашенька во дворе пропасть никак не мог, потому что несколько дней назад вернулся с мамой в Ленинград. Но об отъезде дочки и внука Светлана Ивановна думать не хотела. И соседке ничего не сказала. Тихонько села на табурет и оглядела новенькие обои в голубой цветочек. Обои месяц назад клеила дочка Надя. Она размашисто возила кисточкой по газетам, в которых рассказывалось о достижениях очередного съезда КПСС, и громко возмущалась, что клей попался плохой, что газеты надо оставить просохнуть на пару дней, а Сашеньку пришлось временно поселить у знакомой в доме, где ходят «на двор». Ходить «на двор» было для Нади практически оскорблением. Она с негодованием вспоминала, как в детстве, наступая тапками на подгнившие абрикосы, пробиралась через сорняк к маленькому деревянному домику, в котором и щеколда-то нормально не закрывалась.

– Ну вот, мама, – удовлетворённо отметила Надя, когда обои были поклеены и все нарисованные цветочки аккурато встали на свои места, – наконец-то ты будешь жить в нормальном жилье, с туалетом, с ванной. И к морю ближе, между прочим. Всего две остановки на автобусе.

Да, конечно, новая квартира очень хорошая. Светленькая, чистенькая. И ванная очень удобная, такая беленькая, аккуратненькая. И цветочки на окне симпатичные, Любовь Дмитриевна принесла от своих щедрот. Надо бы мяту посадить, да на окне может и не вырасти. А раньше была мята, много мяты на огороде. И кабачки – большие, продолговатые, как дирижабли. И крошечные арбузы, которые назывались «Огонёк». Когда их разрезаешь, то они прямо так и светятся изнутри. А самое лучшее, конечно, вырезать из арбуза «баранА». Это когда вырезаешь самую вкусную, медовую сердцевину. Она малиновая, текучая, с неровными краями. Когда Надя была совсем маленькая, то всегда просила: «дай баранА, дай баранА!» Интересно, почему теперь не просит?

А ещё сейчас созревает виноград: медленно наливается тёмным светом, легкомысленная кислота превращается в терпкий сахар. С Колей тоже вот ели виноград. И подружек он угощал. Подружки хохотали, и каждая наверняка думала, что она ему немножечко

нравилась. А Коле нравилась только Света. Потом решили расписаться. В ЗАГС шли вдоль старых домов с обшарпанными ржавыми воротами. Коля решил нарвать сирени, просунул голову в ворота и полчаса не мог её оттуда вытащить: видно, уши помешали. Чуть в ЗАГС не опоздали. Потом жили очень хорошо. Надя родилась, а потом и Володя. Колю даже на повышение определили – в Москву – и служебную квартиру дали. Чемоданы уже собрали, билеты на поезд купили... вот тут-то по радио и объявили: «Сегодня, в четыре часа утра, без всякого объявления войны германские вооружённые силы...»

– Опять дверь не закрываешь! – ворвался в ухо трескучий голос Любви Дмитриевны. – Знаешь, Ивановна, я тут подумала... У бабки, которая в первом подъезде живёт, окотилась кошка. Ничего себе такая, серая. И котята получились хорошие: пушистые, не то что твой Барсик. Может, возьмёшь одного ?

– Нет, я ещё маленько подожду... подожду, может сам вернётся. Он вообще-то очень домашний. – виновато сказала Светлана Ивановна. – Ходил за мной, как собака, по пятам. Я с кровати ночью встаю, а он мне прямо под ноги, всё зашибить боялась.

Ходил по пятам... вот так же и маленький Володя всё время плёлся сзади, пытаюсь ухватиться за халат. Ничего не понимал, но рыдал. Надеялись, что всё будет в порядке: у всех мужья ушли, а Коля-то бронь получил от своего оборонного завода. А через несколько месяцев он поехал перевозить заболевшую родственницу из одной станицы в другую. Ехал долго, писал что чувствует себя плохо. У родственницы в доме же и слёг. Тиф. Светлана Ивановна сразу сорвалась и поехала в станицу. Надю оставила у сестры, а Володю с собой взяла: маленький же совсем, плохо ему будет без мамы. Приехали: к Коле не пускали, с ребёнком тем более. Через три дня похороны, закрытый гроб, какие-то засохшие сорняки вместо цветов. Пока копали могилу, Володя ритмично колотил палочкой по гробу. Потом его оттащили скулящие соседки.

Надя так и осталась у сестры. А Володя... ну куда же ему без мамы. Поехал с ней на работу в колхоз. Светлана Ивановна весила 45 килограмм, а мешки таскала по 35. Руки покрылись мутно-жёлтыми волдырями, спина болела так, что от малейшего

движения сводило мышцы. Вечером без сил валилась на продавленный полосатый матрас. Володя немного подрос и где-то бегал. А потом ещё подрос и пошёл в школу. В школе учился неважно, хулиганил, не сосредотачивался. И со школьными заданиями у Светланы Ивановны не было времени помогать. А сестра писала, что Надя такая умница стала, аккуратная и учится на одни пятёрки. А когда Светлана Ивановна робко попыталась рассказать про Надю, Володя покраснел – то ли от смущения, то ли от обиды. Так и сидел: красный, с тонкой шеей и торчащими ушами.

Через несколько лет Светлана Ивановна вернулась к сестре, которой стало сложно одной управляться с хозяйством. При встрече Надя порывисто обняла маму и неприязненно покосилась на Володю в старых трениках с дырявыми коленками, с неровно обкорнанными волосами, с лицом в серых пыльных разводах. Сама она ходила в аккуратном ситцевом платье и оборачивала светлые тяжёлые косы вокруг головы. Первый обед прошёл неважно. Володя вытаскивал куски картошки из борща и размазывал красную свекольную жидкость по лицу, несмотря на замечания Светланы Ивановны. Надя раскричалась и ушла из комнаты, сказав, что больше не будет есть «с этим» за столом. Потом всё вроде наладилось. Надя закончила школу с серебряной медалью и уехала поступать в Ленинград. Володя дотянул свои восемь классов и ушёл в армию, после армии устроился разнорабочим в маленьком курортном городке. Потом неожиданно вернулся, весёлый, с двумя выбитыми передними зубами и сизой татуировкой: «Нет в жизни счастья без любви».

– Да говорю же тебе, отдай Барсика кому-нибудь. Я прямо вижу как у Сашеньки начинается аллергия. – в десятый раз повторяла Надя. – Он вчера всю ночь не спал, кашлял, сморкался. А вдруг астма, а скорая не доедет? Гробишь же ребёнка.

– Он вчера много мороженого кушал, поэтому и кашлял. - попробовала возразить Светлана Ивановна.

– Да какое мороженое! К тому же котик твой заразу всякую в дом приносит. Ходит где-то по дворам и все микробы на шерсть свою собирает. А Сашенька потом его гладит и пальцы в рот засовывает. Тебе что дороже, Барсик или внук?

Микробы...А Володя говорил : «Мать, давай варить самогон он это...микробы все убивает». Устроился сторожем на деревообрабатывающий завод и начал гнать самогон из опилок. В коридоре стояли мешки с сахаром, дом пропитался сивушным запахом, а дядя Паша, которого во дворе с утра без бутылки никогда не видели, стал очень часто заходить в гости за спичками. Сестра Светланы Ивановны в ужасе сбежала «пожить к подруге», да так и осталась там. Опилочное самогонование продолжалось до тех пор, пока один из знакомых не отравился и не пролежал две недели в больнице. Потом Володя перешёл на картошку. Получившимся напитком угощал друзей и даже стал потихоньку продавать. Но сам не пил. А потом отмечали день рождения друга, и Володя выпил. А потом ещё и ещё. Через месяц упал со старой прогнившей лестницы и сломал ногу. Пока не мог ходить, было скучно, поэтому продолжал варить и пить, варить и пить. Когда поправился, стал мечтать о большом подпольном производстве самогона: «Эх, мать, денег будет у нас...Житуха!» – Нашли, нашли, Барсика твоего! Верка из третьего подъезда видела. – Любовь Дмитриевна стояла в дверях и взволнованно размахивала руками. – Он около старой котельной шастал, в лопухах прятался. Беги скорее!

Светлана Ивановна стала торопливо спускаться вниз по лестнице, а когда вышла из подъезда, то побежала. В больную коленку при каждом движении как будто впивались тысячи стеклянных осколков. Вот и котельная, вот и лопухи. Воздух тяжёлый и бесцветный, ни движения, ни звука. «Барсик, Барсик, Барсик!» – звала она. И вот между лопухов в солнечном свете мелькнул жёлтый кошачий глаз. Светлана Ивановна ринулась к лопухам и судорожно стала копаться в больших продолговатых листах. Ничего, я тебя отмою, накормлю и ты привыкнешь. Опять привыкнешь. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо.

За лопухами ничего не было. Только сухая земля. Какой-то рогатый жук степенно полз по своим делам. Светлана Ивановна села на землю и тихо заплакала.

А нашли его за гаражами. Когда привезли, он был очень бледный. А так-то обычно хорошо загорал. И волосы как будто прилипли к голове. Но довольно спокойный, умиротворённый даже. А костюм

хороший был у него, был один. Рубашка белая, приличная такая, Надя была бы довольна. Не смогла приехать, на восьмом месяце была уже. А собутыльники пришли, все. Один в пьяном бреду на коленях ползал, говорил: «Светлана Ивановна, прости ты нас, не уберегли мы его, не уберегли». Говорили что-то про судьбу, про злой рок, про хорошего парня, про последние посиделки. Про то, как он смеялся над Жоркой, который никак не мог нормально встать и всё время заваливался на бок. Про то как задумчиво курил сигарету, по привычке крепко сжимая её большим и указательным пальцем. Про то, как хохотал над рассказанной Валькой шуткой про электрика, которому «за шиворот падают капли раскалённого олова».

После этого Светлана Ивановна как-то оцепенела. Но потихонечку занималась огородом. Кабачки и баклажаны получались отменные, крепкие, блестящие. Помидоры тоже не отставали. Поэтому Светлана Ивановна стала продавать овощи на рынке, покупали хорошо. Потом она завела несколько кур и поселила их в сарае. Куры постоянно болели и плохо неслись, так что яйца продавать не получалось. Сестра так и не вернулась, потому что неожиданно «в её-то годы» вышла замуж и уехала с мужем на Дальний Восток. Но зато часто стала приезжать Надя, говоря, что «Сашеньке полезно быть на море». Потом Надя вдруг решила что Светлане Ивановне нужно продать дом и вместо него купить «приличную» квартиру поближе к пляжу.

– Ну всё, мама, собирай вещи! – с порога объявила Надя.

– Зачем собирать?

– Приехала я за тобой. Переезжаешь ты.

– Куда?

– К нам, в Ленинград. Будешь у нас отдыхать. И с Сашенькой помогать. Мне знаешь как сейчас сложно – докторскую надо защищать через полгода. А о квартире не волнуйся: мы каждый год будем сюда приезжать, а в сезон можно её курортникам сдавать.

Светлана Ивановна закрыла глаза. Дома у неё уже нет. Огорода нет. Барсика нет. Сына нет. Вроде и жизни-то уже почти нет, сколько там её осталось...

Открыла глаза и твёрдо сказала:

– Нет, доченька, не перееду. Буду уж здесь.

– Да ты понимаешь, что это для твоего же блага! Для твоего же. Посмотри на себя, ноги уже не ходят. Кто за тобой ухаживать будет?

– Ничего. Как-нибудь. – спокойно ответила Светлана Ивановна.

– Ну мама, не ожидала я такого от тебя. Не ожидала. – раздражённо сказала Надя. – И Сашенька расстроится. Говорит, будем с бабушкой входить в зоопарк тигров смотреть.

Вышла и громко хлопнула дверь. Светлана Ивановна немножко посидела, выпила пустого чаю и легла спать. А снилось ей, что они с Сашенькой в зоопарке, а вокруг них Барсики с тигриными полосками и жёлтыми круглыми глазами. Барсики степенно прохаживаются по асфальту и иногда тихонько рычат. Сашенька, с обкорнанными волосами и в старых трениках с дырками на коленках, бегаёт за ними и постоянно хохочет. И всё хорошо. Как и должно быть.

Об авторе: ДАРЬЯ АЛЕКСАНДЕР

Родилась в Москве. Закончила факультет журналистики МГУ, после этого уехала учиться в Сорбонну. Несколько лет жила в Париже. Сейчас живет в Бельгии, преподаёт языки, пишет рассказы и стихи. Автор сборника рассказов «Самая близкая Франция». Финалист XIV Международного литературного Волошинского конкурса в номинации журнала «Октябрь». Публиковалась в журналах «Крещатик» и «Зинзивер», в различных литературных альманахах. Neкаýalar